

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.254-270>

<https://elibrary.ru/jrycmj>

УДК / UDC 94:391(470.40)

Оригинальная статья / Original article

Музыкально-этнографическая традиция мордвы-мокши Пензенской области: к проблеме выявления музыкальных диалектов

И. А. Матвеева

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация, <https://ror.org/056r5vk88>
redkina1983@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Вторая половина XX в. характеризуется устойчивым ростом интереса к духовной культуре финно-угорских народов, результатом которого стали масштабные экспедиции во многие регионы России. Сегодня традиции мордвы Пензенской области обладают высокой степенью сохранности, однако до настоящего времени не рассматривались исследователями в контексте выявления местных музыкальных диалектов. Пензенская мордва, являясь частью финно-угорского этноса, имеет в музыкально-этнографической традиции общемордовские стилевые черты. В то же время свой отпечаток наложила значительная удаленность от центрального очага мордовской культуры, сложившегося на территории Республики Мордовия. В связи с этим проблема исследования связана с процессом консолидации местных песенных стилей на этноконтактных территориях. Важность проблемы обусловлена необходимостью самоопределения и самоидентификации мордвы в современном мире и сохранением подлинного культурного наследия народа. Цель исследования – изучение и анализ музыкально-этнографической традиции компактно расположенных сел Шемышейского и Городищенского районов Пензенской области.

Материалы и методы. Материалом исследования являются экспедиционные записи, выполненные автором статьи в мокша-мордовских селах с 2005 по 2025 г. В работе сочетаются методика историко-сравнительного анализа и этнографический подход к фиксации и последующей систематизации полученных сведений. Так, историко-сравнительный анализ применялся при работе с источниками, раскрывающими миграционные передвижения мордвы по территории пензенского края. Этнографический подход стал основой полевых исследований, в ходе которых фиксировался широкий круг сведений (песенный и хореографический фольклор, описания земледельческих и семейно-бытовых обрядов, мифологические представления и др.). Систематизация затрагивала не только данные современных экспедиций, но и обработку материалов иных собирателей, выполненных в исследуемых районах. Изучение жанров музыкального фольклора потребовало обращения к терминологии и методике, утвержденной в трудах ведущих музыковедов-фольклористов Н. Н. Гиляровой, В. М. Щурова, Г. Я. Сысоевой.

Результаты исследования и их обсуждение. В мокшанских поселениях, расположенных на стыке Городищенского и Шемышейского районов, сформировался местный музыкальный диалект с центром в с. Старая Ясарка. При этом музыкально-этнографическая традиция на разных уровнях отражает различные историко-культурные тенденции. Так, народный костюм демонстрирует влияние окружающих эрзянских сел, а в мокшанской разговорной речи встречаются вкрапления эрзянских слов. На музыкальном уровне прослеживается иная тенденция. Обширный песенный репертуар основан на самобытных песенных сюжетах и имеет выраженные жанровые доминанты (весенние песни с движением, песни свахи и песни рода невесты). Устойчивыми чертами музыкального диалекта являются разновидности фактуры, тесно связанные с тем или иным песенным жанром, а также такие значимые черты стиля, как подвижность звуковысотного строя, обилие мелкой вокальной техники (в том числе голосовых «спадов» вверх), акцентирование звуков в распевах, приводящее к появлению слоговых вставок.

© Матвеева И. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Несмотря на современную динамику социально-культурных процессов, выявленные характеристики обладают значительной устойчивостью и являются маркером местного мокша-мордовского музыкального диалекта. Данные выводы вносят вклад в современную этномузикологию и задают вектор для дальнейших исследований. Представленные материалы могут быть полезны при выявлении иных мордовских музыкальных диалектов, а также помогут скорректировать сложившееся представление о процессе консолидации песенных стилей на этноконтактных территориях.

Ключевые слова: мордва, мокша, эрзя, локальные традиции, Старая Яксарка, фольклор Пензенской области, музыкальный диалект, Пензенская область

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Матвеева И.А. Музыкально-этнографическая традиция мордвы-мокши Пензенской области: к проблеме выявления музыкальных диалектов. *Финно-угорский мир.* 2026;18(2):254–270. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.254-270>

The Musical and Ethnographic Tradition of the Moksha-Mordovians of the Penza Region: Toward the Identification of Musical Dialects

I. A. Matveeva

Penza State University, Penza, Russian Federation,
<https://ror.org/056r5vk88>
 redkina1983@rambler.ru

Abstract

Introduction. The second half of the twentieth century was characterized by a steadily growing interest in the spiritual culture of the Finno-Ugric peoples, resulting in large-scale expeditions to numerous regions of Russia. Today, the traditions of the Mordovian people of the Penza Region demonstrate a high degree of preservation; however, they have not yet been examined by researchers in the context of identifying local musical dialects. As part of the Finno-Ugric ethnic community, the Penza Mordovian share common Mordovian stylistic features within their musical and ethnographic tradition. At the same time, their tradition has been shaped by the considerable distance from the central core of Mordovian culture, which developed within the territory of the Republic of Mordovia. In this regard, the research problem is associated with the process of consolidation of local song styles in ethnocontact areas. The significance of this issue is determined by the need for self-determination and self-identification of the Mordovian people in the contemporary world, as well as by the importance of preserving their authentic cultural heritage. The aim of the study is to investigate and analyze the musical and ethnographic traditions of the compactly settled villages of the Shemyshevsky and Gorodishchensky districts of the Penza Region.

Materials and Methods. The research material consists of field records collected by the author during expeditions to Moksha-Mordovian villages between 2005 and 2025. The study combines the methodology of historical-comparative analysis with an ethnographic approach to the documentation and subsequent systematization of the collected data. Historical-comparative analysis was employed in the examination of sources revealing the migration movements of the Mordovian population across the territory of the Penza region. The ethnographic approach served as the foundation for the fieldwork, during which a wide range of information was documented, including song and dance folklore, descriptions of agricultural and family-domestic rituals, mythological beliefs, and other aspects of traditional culture. The process of systematization encompassed not only data obtained during recent field expeditions but also the processing of materials collected by other researchers in the areas under study. The investigation of musical folklore genres required the use of terminology and methodological principles established in the works of leading ethnomusicologists and folklore scholars, including N. N. Gilyarova, V. M. Shchurov, and G. Ya. Sysoeva.

Results and Discussion. In the Moksha settlements located at the junction of the Gorodishchensky and Shemyshevsky districts, a local musical dialect has developed, centered in the village of Staraya Yaksarka. At the same time, the musical and ethnographic tradition reflects different historical and cultural tendencies at various levels. Thus, the traditional folk costume demonstrates the influence of the surrounding Erzya villages, while Moksha spoken language contains occasional Erzya lexical borrowings. At the musical level, however, a different tendency can be observed. The extensive song repertoire is based on distinctive indigenous song narratives and is characterized by pronounced genre dominants, including spring songs accompanied by movement, matchmaker songs, and songs of the bride's kin group. Stable features of this musical dialect include specific types of texture closely associated with particular song genres, as well as such significant stylistic traits as the flexibility of pitch organization, the abundance of fine vocal ornamentation (including upward vocal "falls"), and the accentuation of individual tones within melismatic passages, resulting in the emergence of additional syllabic insertions.

Conclusion. Despite the contemporary dynamics of socio-cultural processes, the identified characteristics demonstrate considerable stability and serve as markers of the local Moksha-Mordovian musical dialect. These findings contribute to contemporary ethnomusicology and provide a direction for future research. The materials presented may prove useful for the identification of other Mordovian musical dialects and may also help refine the current understanding of the processes underlying the consolidation of song styles in ethnocontact territories.

Keywords: Mordvins, Moksha, Erzya, local traditions, Old Yaksarka, Penza region folklore, musical dialect, Penza region

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Matveeva I.A. The Musical and Ethnographic Tradition of the Moksha-Mordovians of the Penza Region: Toward the Identification of Musical Dialects. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):254–270. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.254-270>

Введение

К настоящему времени в отечественной фольклористике актуальным остается круг проблем, касающихся выявления региональных и локальных песенных традиций. Это связано с тем, что традиции населения ряда регионов России изучены настолько глубоко, что позволяют выделить многочисленные музыкальные диалекты внутри крупных региональных стилей. Например, сегодня известны традиции воронежско-белгородского пограничья [1; 2], Курского Попселья [3], рязанской и пензенской мещеры [4; 5], воронежско-липецкого пограничья, русско-белорусско-украинского пограничья [6; 7] и др.¹

Не так давно проблема выявления музыкальных диалектов коснулась и песенной культуры мордвы – в центре внимания финно-угроведов оказалось фольклорное наследие Республики Мордовия, содержащее многочисленные архаичные черты² [8; 9]. Актуальность данной темы обусловлена быстротечностью социально-культурной трансформации: автоматизация крестьянского хозяйства, точные знания метеорологии и научно-обоснованная агротехника не способствуют сохранению древних воззрений и связанных с ними ритуалов и песен. Тем не менее отдельные аспекты духовной культуры, прежде всего язык и этническое самосознание, позволили мордовскому народу сохранить многочисленные реликты фольклорной песенной традиции.

В этом контексте песенные традиции мордвы, проживающей на территории Пензенской области, представляются особенно интересными. С одной стороны, являясь частью финно-угорского этноса, пензенская мордва имеет в музыкально-этнографической традиции общемордовские стилевые черты, с другой – свой отпечаток наложила значительная удаленность от метрополии. При этом если русские локальные традиции представлены в Пензенской области относительно крупными очагами (от 5-6 до 15-20 населенных пунктов) с четкими границами³ [5; 10], то мордва по большей части расселялась на территории края чересполосно: мокшанские и эрзянские села чередовались друг с другом с вкраплениями татарских и русских поселений. Подобная пестрота сохраняется и в наши дни. Поскольку этномузыкальные исследования, посвященные проблеме консолидации местных песенных стилей пензенского края, к настоящему времени практически не проводились, рационально сосредоточить внимание на группе компактно расположенных сел с центром в Старой Ясарке

¹ Савельева Н.М. Региональная стилистика русской народной музыки. Русско-белорусско-украинское пограничье. Исследование. М.: Композитор; 2005. 191 с.

² Мордовские народные песни. Автор-сост. Г. И. Сураев-Королев. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 2015. 336 с.

³ Сагадатова А.А. Динамические изменения в песенной традиции села Канаевка Городищенского района Пензенской области за последние 40 лет. В: Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Новое время; 2020. С. 38–46. <https://elibrary.ru/gkhdzbz>; Дарьина В.И. Локальные традиции исполнения протяжной лирики Пензенской области. В: Музыкальный фольклор народов России: мат-лы науч.-практ. конф. М.: МГИК; 2018. С. 85–90. <https://elibrary.ru/zajvvj>

Шемьшейского района Пензенской области. Цель исследования – выявить у мордовского населения Пензенской области локальные песенные стили, а также определить, существует ли устойчивая жанровая система в музыкальном диалекте с. Старая Яксарка.

Обзор литературы

Обращаясь к проблеме выявления музыкальных диалектов, необходимо отметить, что все еще остаются дискуссионными вопросы, касающиеся как терминологического плана, так и понятийного аппарата. Ведущие музыковеды-фольклористы предлагают свою трактовку таких ключевых понятий, как «региональный», «локальный», «узколокальный» и «очаговый» песенный стиль, и декларируют в своих работах определенный комплекс признаков, указывающий на целостность песенной системы и формирование музыкального диалекта⁴ [11; 12]. При этом большая часть исследователей указывает на необходимость изучения историко-культурных факторов формирования традиции, особенностей ритуальных циклов (земледельческого и семейно-бытового), номенклатуры песенных жанров с доминирующим жанром, особенностей ритмического и ладового строения песен типа многоголосия и др.

Рассматривая фольклорное наследие пензенской мордвы в данном контексте, отметим, что традиции мокши и эрзи Пензенской области нередко исследуются в неразрывной взаимосвязи⁵, а единичные попытки выявления локальных групп осуществляются либо на основе историко-статистических данных, либо по результатам анализа комплексов женской традиционной одежды⁶. Так, исследователь Г. А. Корнишина выделяет три обширные историко-культурные зоны: чембарско-белинскую, центрально-северо-западную и юго-западную, при этом исследователь не дифференцирует традиции мокши и эрзи, а рассматривает их в совокупности, мотивируя такой подход общими миграционными процессами. Подобные выводы хотя и обладают большим значением, однако требуют корректировки и уточнения, поскольку, по нашим данным, уже на уровне репертуара и иерархии песенных жанров возникают существенные различия между камешкирской и шемьшейской мордвой, относимой к одной зоне [13].

Традиции мордвы Пензенской области не часто становились объектом полноценного исследования. Так, рукописи Императорского Русского географического общества (ИРГО), систематизированные Д. К. Зелениным, содержат единичные сообщения о погребальных обрядах мордвы с. Вазерки Мокшанского уезда, а также включают в себя этнографические сведения общего характера (датированы 1856 г.)⁷.

В местной дореволюционной периодике – Пензенских губернских ведомостях и Пензенских епархиальных ведомостях – содержатся краткие заметки и описания, подготовленные уездными священнослужителями и посвященные ключевым аспектам духовной жизни мордвы. В центре внимания оказываются самобытные

⁴ Сысоева Г.Я. Музыкальные диалекты: критерии и методы выделения (на южнорусском материале). В: Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: маг.-лы Междунар. науч. конф. М.: РАМ им. Гнесиных; 2008. С. 184–198; Лапин В.А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М.: Русская песня; 1995. 200 с; Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья. В: Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии). Труды ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 60. М.: ГМПИ им. Гнесиных; 1982. С. 5–13; Щуров В.М. О региональных традициях в русском народом музыкальном творчестве. В: Музыкальная фольклористика. Т. 3. М.: Советский композитор; 1986. С. 11–47.

⁵ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 11. Народные песни мордвы Пензенской области. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1987. 197 с.; Первушкин В.И., Прошкин В.Я. Мордва Пензенской области. Саранск; Ковылкино: Ковылкинская типография; 2010. 153 с.

⁶ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука; 1973. 214 с.

⁷ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пензенская губерния. XXVIII. № 14. Петроград; 1915. С. 971–974, 983.

и специфические ритуалы календарного и похоронно-поминального циклов, а также упоминаются моления-озксы в значимые даты земледельческого календаря⁸.

Долгое время статьи в провинциальной периодике оставались единственными источниками, фиксирующими в соответствии с веяниями времени наиболее любопытные на взгляд собирателя факты архаичной культуры. И если отдельные ритуалы описаны довольно подробно, что объясняется непосредственным их наблюдением, то песни из-за непонимания иного языка были недоступны русскоязычным священникам для записи. Только в 1987 г. увидела свет первая публикация, полностью посвященная устно-поэтическому творчеству пензенской мордвы⁹. Результаты экспедиций Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, продолжавшихся с 1948 до 1985 г., нашли отражение в 165 текстах песен. Ценность данного собрания состоит в наличии вариантов текстов из разных сел, географическом охвате (представлены все районы с мордовскими поселениями), точной паспортизации. Имеются здесь и тексты, записанные в исследуемом нами Шемьшейском районе – всего 22 образца.

Несмотря на то что в настоящее время песни и ритуалы пензенской мордвы обладают неплохой сохранностью, они практически не описаны с позиций музыкальной фольклористики. Если первая публикация русских песен пензенского края состоялась еще во второй половине XIX в.¹⁰, то мордовские напевы были впервые опубликованы только в 1990-х гг. Результаты фольклорных экспедиций 1970–1980-х гг. музыковедов-фольклористов Т. М. Ананичевой, Н. Н. Гиляровой лаконично представлены в нотографических публикациях и исследованиях¹¹ [14], а также в формате аудиоизданий. Общая направленность указанных работ – анализ функционирования песенной традиции в полиэтнической среде, исторически сложившейся в Пензенской области. Ценными представляются немногочисленные нотации мордовских песен из сс. Нижний Мывал, Вачелай, Тешнярь Сосновоборского района, Старая Яксарка и Старое Дёмкино Шемьшейского района и этнографические описания обрядов, зафиксированных в Большом Пермиево Никольского района, Шугурово, Шкудуме, Пичилейке, Верхнем Катмиссе Сосновоборского района. Мордовские песни Сосновоборского района можно услышать на пластинке «Фольклор народов России», а компакт-диск «Ключа, ключа позолоченная» репрезентирует образцы инструментальной и вокальной музыки из Колдаиса, Старой Яксарки, Синодского, Старого Дёмкина Шемьшейского района¹².

Полноценное и глубокое исследование мордовских традиций Пензенской области проводилось также под руководством Н. И. Бояркина и Г. И. Сураева-Королёва, но зафиксированные материалы не вошли в состав таких фундаментальных изданий, как «Памятники мордовского народного музыкального искусства» и «Мордовские

⁸ Прозин Н.В. Картины мордовского быта. *Пензенские губернские ведомости*. 1865;(39):124–136. 1865;(40):98–107; 20–27; Эпизоды из жизни мордвы Городищенского уезда. *Пензенские губернские ведомости*. 1876;(127); Русанов И. Мордовский молян (праздник). *Пензенские епархиальные ведомости*. 1868;(1):213; Снежицкий А. Праздник «Петрооскс» – Петров молян в день Св. Апостолов Петра и Павла в мордовском селе К-се. *Пензенские епархиальные ведомости*. 1870;(20):647–655; Снежицкий А. Мордовский праздник «Вермавы» (Вербного воскресения) и «Вирявы». *Пензенские епархиальные ведомости*. 1871;(19):588–597, 1871;(20):627–634; Иллостров М. Обряды мордвов при погребении и поминовении умерших и вероучение их о загробной жизни. *Пензенские епархиальные ведомости*. 1871;(3):72–82.

⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 11. 197 с.

¹⁰ Римский-Корсаков Н.А. Сто русских народных песен: для голоса с фортепиано. Соч. 24. Предисл. и примеч. автора. М.: Музыка; 1977. 224 с.

¹¹ Ананичева Т.М., Суханова Л.В. Песенные традиции Поволжья. М.: Музыка; 1991. С. 100–101; Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). В: Музыка устной традиции: материалы междунар. конф. памяти А. В. Рудневой. М.: МГК им. П. И. Чайковского; 1999. С. 91–101. <https://elibrary.ru/yvpast>; Гилярова Н.Н. Об особенностях весенних хороводных песен русско-мордовского пограничья (Пензенская область). В: Проблемы композиции народной песни. Сост. Т.А. Старостина. Вып. 10. М.: МГК им. П. И. Чайковского; 1997. С. 10–126. <https://elibrary.ru/ykyogt>; Гилярова Н.Н. Свадебные традиции русско-мордовского пограничья. В: Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Новое время; 2020. С. 22–32. <https://elibrary.ru/cdstzg>

¹² Фольклор народов России [пластинка]. Мелодия. 1988. С90 27055 004; Ключа, ключа позолоченная. Народные песни и инструментальные наигрыши Пензенской области. 1996. RDCD00484.

народные песни»¹³, хотя именно здесь впервые была предпринята попытка выявить мордовские музыкальные диалекты и систематизировать песенный материал не только по жанровым, но и по территориальным признакам. И только недавно вышедший сборник мордовских песен, подготовленный Н. И. Бояркиным и адресованный работникам сельских домов культуры и руководителям самодеятельных мордовских ансамблей, представил песенные традиции пензенской мордвы во всей полноте¹⁴.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили экспедиционные записи, выполненные автором в с. Старая Яксарка Шемьшейского района (2005, 2016, 2022, 2025 гг.)¹⁵. С целью сопоставления привлекаются музыкально-этнографические данные из других сел Шемьшейского района (Новая Яксарка, Новый Мачим, Старое Дёмкино, Колдаис, Наскафтым), а также из Городищенского (сс. Пазелки, Вышелей, Мордовский Ишим), Камешкирского (сс. Мокрый Дол, Кулясово, Мамадыш), Бессоновского (с. Степановка) и Сосновоборского (с. Вачелай) районов, зафиксированные как автором статьи, так и иными собирателями. В частности, изучены аудиоматериалы и нотации песен Н. С. Малькова (1978, 1983 гг.), Е. О. Кутаевой (Модиной) (2002 г.), И. С. Егоркиной и О. В. Грачевой (2024 г.) и других фольклористов¹⁶.

Сопоставляя имеющиеся материалы, можно отметить, что из всех указанных сел именно в Старой Яксарке сохраняется наиболее обширный песенный репертуар, включающий в себя сегодня около 50 песен (большая часть из них – архаичные обрядовые напевы на мордовском языке). Поскольку респонденты были непосредственными участниками или действующими лицами традиционных земледельческих и семейно-бытовых обрядов, в ходе экспедиционных выездов удалось зафиксировать подробные этнографические сведения. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании.

Изучение историко-этнографических источников потребовало применения методов историко-сравнительного анализа. Этнографический подход был реализован при фиксации музыкально-этнографического материала в полевых (экспедиционных) условиях, а также при систематизации полученных данных. Изучение жанров музыкального фольклора позволило обратиться к терминологии и методике, утвержденной в трудах ведущих музыковедов-фольклористов Н. Н. Гиляровой, В. М. Щурова, Г. Я. Сысоевой и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Прошлое пензенского края характеризуется сложно протекающими хронологически неравномерными процессами. Имелось несколько переселенческих волн, благодаря которым земли вдоль берегов р. Суры осваивались, затем, при дальнейшем продвижении тех или иных народов вглубь страны, вновь приходили в запустение, а вновь осваивались уже представителями нового этноса¹⁷. Именно этим обусловлено сложившееся на исследуемой территории чересполосное проживание мордвы-мокши, мордвы-эрзи, русских и татар, а также их численная неравномерность. В частности, в Шемьшейском районе преобладают мордовские эрзянские поселения, образующие различной величины «кусты сел». Например, практически на одной линии

¹³ Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 1. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. Н.И. Бояркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1981. 292 с., Т. 2. 1984. 320 с., Т. 3. 1988. 337 с.; Мордовские народные песни. Автор-сост. Г.И. Сураев-Королёв. 334 с.

¹⁴ Бояркин Н.И. Моронь пусмо: Пенза ёнксонь мохшэрзянь раськень морот. Песенный венок: народные песни мордвы пензенского края. Под общ. ред. Л. Б. Бояркиной. Пенза: Пензенская правда; 2012. 223 с.

¹⁵ Данные материалы находятся в личном архиве автора.

¹⁶ Фонограммы звукозаписей Е. О. Кутаевой (Модиной), Р. В. Аржаева, А. И. Итяниной, Н. С. Малькова и других собирателей хранятся в архиве отделения сольного и хорового народного пения Пензенского музыкального колледжа им. А. А. Архангельского и до настоящего времени не каталогизированы.

¹⁷ Хвощев А.Л. Очерки по истории Пензенского края. Пенза: Гос. изд-во. Пензенское отд.; 1922. 150 с.

с северо-запада на юго-восток протянулись сс. Усть-Мурза, Старое Дёмкино, Старое Захаркино, Старое Назимкино, Наумкино, Мордовская Норка, Армиёво; на юго-востоке района компактно расположены Каржимант, Мачкасы и Азрапино; в северо-восточной зоне сгруппированы сс. Арапино, Наскафтым, Старый Мачим и Новый Мачим. Мокшанские села при этом единичны и практически все расположены вдоль берега Суры с юга на север: Новая Яксарка, Старая Яксарка, Ивановка, Колдаис¹⁸. К этой же цепочке поселений можно отнести и Мордовский Ишим Городищенского района, фактически находящийся в окружении русских сел. Подобное объединение основывается на общих для каждой группы поселений условиях основания и последующего существования. Так, Старое Дёмкино, Старое Захаркино и другие близлежащие эрзянские села основаны в один промежуток времени, не позднее 1689 г., ясачной мордвой вдоль крупного тракта, соединявшего Саратов и Пензу¹⁹. Мокшанские же села были образованы позднее – в 1700-х гг. в результате привлечения мордвы для строительства и обеспечения последующего функционирования сызранско-пензенской и петровской оборонительных линий (рис. 1).

Вероятно, эрзянское окружение и его численное доминирование привело к заимствованию мокшей элементов женского костюма, характерного лопатообразного головного убора *панго*, а также к бытованию двойных наименований. Приведем фрагмент репортажа, посвященного описанию женской одежды: «Рубаха – алга панар или руця. Алга панар – нижняя рубаха, па-другому руця. У нас здесь костюм и мокша, и эрзя перемешанный, паэтаму два названия. Паверх рубахи надевалась еще адна – панджат.

Р и с. 1. Карта локализации мордовских этнических сел в границах Пензенской области
 F i g. 1. Map of the location of Mordovian ethnic villages within the Penza region

Источник: https://be.wikipedia.org/wiki/Файл:Outline_Map_of_Penza_Oblast.svg. Условные обозначения нанесены автором статьи по материалам источника: Полубояров М.С. Весь Пензенский край. Историко-топографическое описание Пензенской области. М.: Сам полиграфист; 2016. 813 с.

Source: https://be.wikipedia.org/wiki/Файл:Outline_Map_of_Penza_Oblast.svg. The legend is provided by the author and based on materials by source: Poluboyarov M.S. [The Entire Penza Region. Historical and Topographical Description of the Penza Oblast]. Moscow; 2016. 813 p.

¹⁸ Исключением является только Пиксанкино – село находится на границе с Камешкирским районом.

¹⁹ Полубояров М.С. Весь Пензенский край. Историко-топографическое описание Пензенской области. М.: Сам полиграфист; 2016. 813 с.

Лаком или лакумка – кашелек, он павязывался на втарую рубаху. Па-харошему, лаком насили пад фартукам-икельге, патаму что там кашелек прятался или ключ ат дома. И сахер – вкусенькае с собой! Сзади пулай – набедренная павязка, гремит каторая. Эта чтоб не прастыла женщина, детародные органы берегли. Пулай с 12 лет надевали – как [девочка] девушкой становилась. И панго – эта галавной убор прямоугольный. Береста внутри, а снаружи обшивался материалом. На свадьбе плели косу и прятали в панго»²⁰. (Здесь и далее в статье все ответы респондентов приводятся без изменений, с сохранением индивидуальной стилистики и грамматических особенностей исходных высказываний, включая характерное для данной местности аканье – *Ред.*). Аналогичный костюм фиксируется и в соседних мокшанских сс. Колдаис, Пиксанкино, Мордовский Ишим. По мнению В. Н. Белицер, подобное заимствование произошло в результате смешанных браков, когда женщина-эрзянка приносила в мокшанское село свое приданное²¹. При этом современные опросы респондентов показывают, что количество таких смешанных браков было небольшим²². Браки в основном заключались между мокшанами – уроженцами Старой Яксарки, Новой Яксарки, Колдаиса, которые происходили не из межэтнических семей и не были связаны родством (вплоть до седьмого колена).

Возвращаясь к характеристикам, позволяющим дифференцировать местный яксарский музыкальный диалект, важно упомянуть ритуалы земледельческого и семейно-бытового циклов. На наш взгляд, они также характеризуются «универсальностью». Календарные обряды в мокшанских селах Шемьшейского района (учитывая иное песенное наполнение) практически идентичны ритуалам, бытовавшим в русских селах Пензенской области. Так, до недавнего времени сохранялся обход дворов на Рождество с пением колядки «Тпрунь, тпрунь, конька» или с исполнением обрядовой песни «Роштувань кудо» («Те куринкаса») и одариванием детей специальной сладкой выпечкой – «орехами». Масленичные гуляния молодежи с припевками-дразнилками «Вианама» («Авардя дяварде»), катание на лошадях, кулачные бои, выпекание в больших количествах блинов на пшеничной муке также сближают русских и шемьшейскую мордву. И так же, как у русских, особое значение в мордовских селах имеют праздники Троица и Духов день. Традиция водить хороводы и исполнять хороводные песни, изготавливать ритуальные символы – (чучела жениха и невесты²³), торжественное шествие по селу, украшение домов ветками березы и клена характерны и для русских, и для мордвы-мокши [15]. Отличия же заключаются лишь в нюансах реализации ритуалов троичного цикла. Так, у мокши в исследуемых селах Шемьшейского и Городищенского районов обязательным напитком на Духов день являлась свекольная брага, специально приготовленная в каждой семье для угощения любого проходящего в дом. Иным оказывался и способ плетения венков: девушки использовали только кленовые листья, скрепляя их между собой так, что получалось подобие короны (в отличие от русских сел, где венки плелись из цветов и травы).

Свадебный ритуал мокши и эрзи Шемьшейского района основывается на общем сценарии, близком к традиционной русской свадьбе²⁴ [16]. Перечислим основные этапы мокшанской свадьбы и дадим их краткое описание: сговор (предварительный договор, предшествует сватовству); сватовство *чьявтома*; дары *сыреузкома* (*сыреузкомась*, *среузкыма*) – аналог русского запоя, где происходит знакомство близких родственников жениха и невесты и одаривание с обеих сторон; обычай глядеть

²⁰ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Людмила Ивановна Гапкина, 1961 г. р. Записано И. С. Егоркиной, А. Г. Борисовым и др., рук. И. А. Матвеева. 22.07.2022 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²¹ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука; 1973. С. 85.

²² Среди русских жителей Городищенского и Никольского районов долгое время бытовало утверждение: «нет худшего греха, чем выйти замуж за мордвина или за татарина». Нарушением этого негласного запрета объяснялось, например, возникновение неизлечимых заболеваний у одного из супругов.

²³ По договоренности участников ритуала в «жениха» и «невесту» могли наряжаться соответственно девушка и парень (то есть надеть и какое-то время носить костюм противоположного пола).

²⁴ Гилярова Н.Н. Свадебные традиции русско-мордовского пограничья. С. 24. <https://elibrary.ru/cdstzg>

дом жениха. День накануне свадьбы *лукше паряма* состоял из нескольких этапов: утром в доме жениха готовили ритуальный символ – пирог *лукше* с начинкой из картофеля и творога, в него втыкались полуметровые ветки в бумажных цветах и лентах²⁵: «С этим лукше выхаживали на улицу, ставили стол, закуску всякую, и гармонист тут и начинали петь. Пели – хвалили жениха: какой он багатый, как харашо радился, денег многа у него, деньгами раскидывается, а невеста такая плахая, кагда радилась – ее радня все нищие такие, кагда ана расла – шерсти неоткуда взять было! В общем, хаот, какая невеста плохая. Это таким образом объявлялось, что вот в этом доме начинается свадьба»²⁶. Вечер того же дня получил название *нардамонь кандамо*, он идентичен русскому обычаю продажи рубахи жениху, которому предшествовали баня невесты и исполнение причитаний. Так, Л. И. Гапкина (1961 г. р.) рассказывала о своей свадьбе: «В баню хаживали с подругами. А я с теткой хаживала. И вот тут я причитала, так причитала: “Хочу – не хочу, а придется уйти, придется свае гнездо свить...”. Это свои слова, от себя, как песня. И тетка моя причитала: “Замужем жить – как па гваздям хадить, на иголках спать, горче редьки еду есть”. Невеста памоется, и потом уже подружки сабирались нести рубашку и палатенца, и ширмочки, и на стол скатерти – у нас эта называлась *нардамонь кандамо*»²⁷.

Первый свадебный день был насыщен как глубоко архаичными действиями, так и пародийными, игровыми моментами. Например, после продажи свахе специального наряда ее могли весьма необычно доставить в дом жениха: «Мы утрам встали – часов в восемь: “Ой, пашли за Люськай, пашли за свахай, пашли к ней дамой”. Сваха в это время небольшой столик накрывает для нас. Мы вышли – на улице грязь, слякоть. Тагда мы взяли ат машины капот – от Газона или от Зила капот железный – привязали к нему веревку и пашли так за Люсей, за свахой. Пришли, она нас угастила, а мы палажили в эгат капот саломы и сверху посадили Люсю-сваху и так в дом жениха и везли»²⁸. Именно сваха-*кудава* является центральным действующим лицом первого дня свадьбы: она отгоняет злых духов, обращается с просьбами к божеству дома Юрт-аве, комментирует посредством нескончаемых песен ход обряда и напрямую руководит действиями жениха и невесты, их родителей и дружки-*урядева*.

Еще одним архаичным ритуалом первого дня свадьбы правомерно считается встреча молодых в доме жениха «медведем» *офто* – ряженым в вывернутый наизнанку тулуп, с баннным венком в качестве помела (отгонять нечистую силу) мужчиной²⁹. *Офто* осыпал молодых хмелем, зерном, деньгами и конфетами.

Завершался первый свадебный день уединением молодых в отдельной комнате, длительность которого варьировалась от 30 минут до 2 часов и зависела от времени прихода родственников невесты. Они кормили молодую всевозможной национальной выпечкой (*цукры, цюкр*). После общего застолья все расходились по домам.

Второй день свадьбы посвящен поискам «ярки» и проверке умений невесты. После выполнения всех предписанных действий, родственники с обеих сторон первоначально гуляют в доме жениха, затем перемещаются в дом к родителям невесты, а ближе к вечеру снова возвращаются в дом жениха, где еще раз проверяют качества невесты: «Кагда родственники апать приходят к жениху в дом, то все не с пустыми руками: кто бревно притащит, кто барахло всяка – чтоб невеста начинала убраться. И бревно это пилить начинают в доме. И тут же вешают люльку с куклой,

²⁵ Аналогичный пирог с воткнутым в него репьем в лентах или небольшой сосенкой широко известен и в русских селах Пензенской области.

²⁶ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Ольга Викторовна Зоткина, 1971 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²⁷ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Людмила Ивановна Гапкина, 1961 г. р. Записано И. С. Егоркиной, А. Г. Борисовым и др., рук. И. А. Матвеева. 22.07.2022 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²⁸ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Ольга Викторовна Зоткина, 1971 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²⁹ Женщина также могла наряжаться *офто*, но случалось это реже, так как «медведь» обязательно должен был встать на четвереньки и выпить 100 грамм самогона, при этом нельзя было брать стакан в руки.

и невеста показывает, как будет детей качать, а свекровь на печку залазит и оттуда невесту учит, как правильна [качать]»³⁰.

Несмотря на общие доминанты календарно-обрядового цикла и практически идентичный сценарий традиционной свадьбы, песенное наполнение ритуалов мокшанских сел Шемышейского района отличается от репертуара эрзянских и особенно русских. Иерархия песенных жанров и набор песенных сюжетов в Колдаисе, Старой и Новой Яксарках идентичны. Так, и в 1980-х, и в 2020-х гг. устойчиво фиксировались календарные обрядовые песни с существенным преобладанием троицких песен с движением (хороводных, хороводно-игровых, хороводно-плясовых). В категорию «троицкие песни» мокшанки сегодня относят следующие: «Лугава якай сыре алаша», «Пиже садсо», «Ой, Дунянь уленесь потяфтома скалаза» («Эх, Дунай, мой Дунай»), «Ой, минь горя», «Дядю дявадю», «Лём, лём, лёмка», «Ключа, ключа позолоченная» (рис. 2).

К троицким песням в местной традиции относятся и некоторые русские, например «За Дунаем, братцы, за рекою», «Ой, по морю по Балтийскому».

Обширную жанровую категорию формируют напевы, приуроченные к свадебному обряду. Полноценными и протяженными текстами представлены песни свахи

$\text{♩} = 56$

1. (а) Ду-нянь у - ле-несь по - тяф - то - ма ска - ла - за - (га),

2. Эх, Ду - ньяй, мой Ду - ньяй, ве - (е) - сё - (о) - лай(и) Ду - ньяй,

4. Эх, Ду - ньяй, ми-н(и) Ду - ня - (га)... по - тяф - то - ма ска - ла - за.

6. 2. По-тяф-то-зе-те я - гы - да тинь ку - да - ло па - не - зе.

7. Эх, Ду - ньяй, ми-н(и) Ду - ньяй - (и), ве - (е) - сё - (о) - лай(и) Ду - ньяй,

9. Эх, Ду - ньяй, ми-н(и) Ду - ньяй, тинь ку - да - ло па - не - зе.

Р и с. 2. Фрагмент троицкой песни «Эх, Дунай, мой Дунай» в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора, 2025 г., с. Старая Яксарка Шемышейского района

F i g. 2. Fragment of the Troitsky song “Eh, Dunai, my Dunai”.
Staraya Yaksarka village, Shemysheisky District in the author’s musical transcription.
Field recording by the author, 2025

³⁰С. Старая Яксарка Шемышейского района. Респондент Ольга Викторовна Зоткина 1971 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

и песни рода невесты (на политекстовый напев), маркирующие все ключевые этапы свадебного обряда и представляющие собой своеобразный песенный диалог. Несколько хуже представлены свадебные плачи свахи, невесты и ее родственниц и подруг – эти тексты сегодня отличаются меньшей востребованностью, приводящей к их редуцированию. Дополнением к указанным архаичным песенным жанрам являются приуроченные лирические песни, звучащие преимущественно на свадебном пиру: «Вехке кафто», «Мяс аф якат ялганякай», «Арядэ ялгат Китай мастэру», «Удандь, удандь, ужуриякай», «Уж вирьга, вирьга, лукать нелявти» (рис. 3).

Русских песен в репертуаре не много – чуть больше 10 (что совпадает с данными Н. Н. Гиляровой 1980-х гг.)³¹. Это такие широко распространенные образцы лирики, как «Калина-малина, в саду ягода», «Соловей кукушку уговаривал», «Пришел любовь из моря, подарочков принес», «Ой, поля, вы, поля», «Не вейтесь, чайки, над морем». Некоторые из них поются на двух языках – русском и мокшанском («Черный ворон» и «Зачем солнце рано пало»). Также незначительно представлены и песенные заимствования: плясовая «Ульнесть, ульнесть колмо боярт цёрынем» берет свое начало от общерусской песни «Пошли девки на работу», а трюичная песня «Пиже садсо» использует интонации «Веселой беседушки».

Пересечения с эрзянским репертуаром немногочисленны и точно обнаруживаются в эрзянских селах близлежащих районов. Так, песни «Ульнесть, ульнесть», «Кодамо минь моратано» («Сёма, Сёмушка») и «Самсон лелей ковьякить» исполняют в Кулясово и Мамадыше Камешкирского района; «Удынь, удынь ужуриякай» известна в Пазелках Бессоновского района и Вышелее Городищенского района; «Пиже садсо» – в Чумаёво и Старом Мачиме Камешкирского района, Пылково Лопатинского района; «Роштувань кудсо» – в старом Захаркино и Арапино Шемьшейского района.

Помимо жанрового состава и иерархии показателем местного музыкального диалекта является тип фактуры. В исследуемых мокшанских селах в настоящее время

$\text{♩} = 64$

3 1. Мяс аф я - кат я - л(ы) - га - ня - кай, ла - (а) - па - зе - (э) нь ма - рхта, ды,

5 Сяс аф я - ка - н(ы) я - л(ы) - га - ня - кай, ла - па - зе - (э) нь ма - рхта.

7 2. Ма - рень ку - ля а - л(ы) - га - ня - кай, те - (э) - те - зе - (э) ю - мась,

А - (а) - ва - зе тусь я - л(ы) - га - ня - кай, ве - (э) - ше - нде - (э) ман - за.

Р и с. 3. Фрагмент лирической песни «Мяс аф якат ялганякай» в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора, 2005 г., с. Старая Яксарка Шемьшейского района

F i g. 3. Fragment of the lyric song “Myas af yakat yalganyakay”.

Staraya Yaksarka village, Shemysheisky District in the author’s musical transcription.

Field recording by the author, 2005

³¹ Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 100–101. <https://elibrary.ru/yvpast>

фиксируются гетерофония унисонного типа, двухголосие, базирующееся на принципе верхнетерцовой дублировки, и смешанный тип фактуры, сочетающий гетерофонию нижних голосов и верхний терцовый подголосок. Подобные типы фактуры встречаются не только в Пензенской области, но и в Мордовии³². Так же, как и в селах метрополии, характерной чертой яксарского музыкального диалекта является то, что каждая фактурная разновидность координируется с разными песенными жанрами. Так, унисонное пение с незначительными «ответвлениями» голосовых партий характерно для политекстовых свадебных песен, исполняемых родственницами невесты, терцовое двухголосие, как правило, является основой заимствованных русских песен, а архаичная мордовская гетерофония проявляется в календарных обрядовых песнях (рис. 4). Яркой стилевой чертой, характеризующей пение шемышейской мордвы-мокши, стоит считать мелкую вокальную технику. Так, форшлаги, голосовые «подъезды» и «спады» (как вниз, так и вверх), глиссандирующие звуки слышны как в ансамблевом исполнении, так и при исполнении сольных жанров, где мелизматика обнаруживается отчетливо (рис. 5). Отметим, что представленные в нотографических публикациях образцы мокшанского и эрзянского фольклора из иных сел Пензенской области и Мордовии не изобилуют подобными вокальными приемами³³.

Песня свахи с обращением к божеству дома Юрт-аве демонстрирует еще одну неочевидную характеристику, отличающую местную мокшанскую традицию от близлежащих русских и эрзянских музыкальных диалектов. Неуклонное повышение звуковысотности происходит даже при исполнении короткого фрагмента, при этом изменение высоты звучания связано почти всегда с каденционной зоной: последние два звука, утверждающие тон-устой, поются на четверть тона выше, и следующая за

Р и с. 4. Фрагмент песни «Сёма, Сёмушка» в нотной транскрипции автора статьи.

Полевая запись Н. С. Малькова, 1978 г., с. Колдаис Шемышейского района

F i g. 4. Fragment of the song “Syoma, Syomushka”.

Koldais village, Shemysheysky district in the author’s musical transcription. Field recording by the N. S. Malkov, 1978

³² Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 2. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. Н.И. Бояркин. С. 16–17; Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 95. <https://elibrary.ru/yvpast>

³³ Гнатюк Д.Н. О ладомелодических особенностях свадебных причитаний мордвы-эрзи (по материалам современных записей). В: Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 2002. С. 198–210; Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 2. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. Н.И. Бояркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1984. 320 с.; Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 91–101. <https://elibrary.ru/yvpast>

♩ = 60

Ку-да - ма - я да мо - ра-не, ой, да, ми-н(и)мо - ра - (га-га)-та - на,

3
Ой, да, ко - да - ма - (а - га) ёв - кске, ой, да, минь ёв - та - (а - а)-та - нак.

Р и с. 5. Песня свахи. Обращение к Юрт-аве в нотной транскрипции автора статьи.

Полевая запись автора, 2025 г., с. Старая Яксарка Шемьшейского района

F i g. 5. Matchmaker's Song. Appeal to Yurt-ava. Staraya Yaksarka village, Shemysheisky district in the author's musical transcription. Field recording by the author, 2025.

ними фраза начинается с другой звуковысотной позиции. Но если мелкая вокальная техника имеет место во время исполнения любых песенных жанров, то нестабильность строя исполнения проявляется почти исключительно в песнях свахи и в этом случае резко контрастирует со стабильным пением родственниц невесты. Приведем фрагмент песенной коммуникации, реализуемой во время приезда свахи и *урядева* за невестой утром свадебного дня (рис. 6).

Помимо исследуемых шемьшейских сел, аналогичная звуковысотная подвижность зафиксирована лишь в единичных мокшанских селах Сосновоборского района Пензенской области³⁴. Свадебные песни из эрзянских сел Городищенского, Камешкирского и Бессоновского районов в современных записях, выполненных автором статьи, отличаются стабильностью звукоряда.

Эмоциональность песенного высказывания влияет не только на пение мокшанской свахи-*кудавы*, но и на общий строй всего диалога. В частности, родственницы невесты подстраивают высоту своего звучания под конечные звуки песни свахи и таким образом начинают петь с каждым разом все выше. Так, представленное песенное высказывание свахи фактически заканчивается на ноту до первой октавы, на фоне звучания которого родственницы невесты отстраивают оппозиционный квинтовый тон. При воспроизведении последующих частей песенного диалога подобное соотношение сохраняется и звуковысотность неуклонно повышается.

Усиление эмоций отражается и на поэтическом содержании песен свахи. Так, если *кудава* утром свадебного дня не может задобрить деньгами и уговорить родственниц невесты открыть ворота, она вместо канонических и регламентированных традицией текстов переходит к импровизированным высказываниям: «Сваха поет: “Ой, аткройте, аткройте, девицы-красавицы!” А невестины радня отвечают: “Вы аткуда приехали? Такие галодные приехали и плоха адетье приехали!” И сваху ругают: “Пачему такая высокая? Пачему такая полная кажешься?” Я все, что паложена спела, а они не аткрывают, и дождь начался и прям на меня льет. Так я начала петь примерна так: “Ой, аткройте, аткройте, не дай бог, заболую! У меня двое детей – барыня с баярыней, прастужусь – они без матери астанутся”. Толька тагда аткрыли и пустили нас»³⁵. Подобная форма коммуникации зафиксирована и в мокшанских селах метрополии. Как пишет Н. И. Бояркин, «певицы из рода жениха и рода невесты как будто состязаются в остроумии и находчивости: каждая из групп старается показать свой род в лучшем виде и приписать другой родовой группе наибольшее число отрицательных черт»³⁶.

³⁴ Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 95. <https://elibrary.ru/yvpast>

³⁵ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Людмила Ивановна Давкина, 1961 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

³⁶ Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 2. Под ред. Е. В. Гиппиуса. Сост. Н. И. Бояркин. С. 17.

$\text{♩} = 60$

Э, панд-жа да панд-жа, да, Стя-р(ы)-нят ба - я - ра - ва - нят,
 3
 Стя-р(ы)-нят а - за - ра - ва - нят.

$\text{♩} = 80$

Э - ех, не - ло - вать - не мо - ста - зась,
 6
 Э - ех, не - ку - дат - не мо - ва - сась, Э - ех, лух - то лаф - то лаф - то - ва,
 8
 Э - ех, каф - то пан - до ёф - то - ва.

Р и с. 6. Фрагмент диалога свахи и родственниц невесты утром свадебного дня в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора, 2022 г.,

с. Старая Яксарка Шемьшейского района

F i g. 6. Excerpt from a dialogue between the matchmaker and the bride's female relatives on the morning of the wedding day. Staraya Yaksarka village, Shemysheisky district in the author's musical transcription. Field recording by the author, 2022

Независимо от количественного и возрастного состава участников, а также типа фактуры (многоголосие терцового типа или унисонная гетерофония), в якарских обрядовых песнях имеет место и другая неочевидная черта стиля – выраженное стремление акцентировать звуки, распеваемые на один слог поэтического текста. Зачастую эта акцентировка приводит не только к дублированию соответствующего гласного звука, но и к появлению асемантических слоговых вставок (рис. 7). Отметим, что подобная черта стиля практически не встречается в эрзянских песнях исследуемого района, характеризующихся подчеркнуто строгослоговым типом мелодики³⁷.

$\text{♩} = 60$

Ку-да-ма - я да мо - ра-не, ой, да, ми-н(и)мо - ра - (га-га)-та - на,
 3
 Ой, да, ко - да - ма - (а - га) ёв - кске, ой, да, ми-нь ёв - та - (а - а)-та - нак.

Р и с. 7. Фрагмент песни «Сёма, Сёмушка» в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора. Запись 2022 г., с. Старая Яксарка Шемьшейского района Пензенской области

F i g. 7. Excerpt from the song “Syoma, Syomushka”.

Staraya Yaksarka village, Shemysheisky district. Recorded 2022

³⁷ Бояркин Н.И. Моронь пусмо: Пенза ёнксонь мокшэрзянь раськень морот. Песенный венок: народные песни мордвы пензенского края. Под общ. ред. Л. Б. Бояркиной. Пенза: Пензенская правда; 2012. 223 с.

Можно сделать вывод, что музыкальный диалект шемышейской мордвы-мокши именно на песенном уровне демонстрирует тенденции к консолидации и замкнутости культурного ареала. При этом народный костюм, земледельческий и свадебный циклы указывают на интеграцию в общемордовскую и в меньшей степени русскую традицию.

Заключение

В компактно-расположенных на стыке Городищенского и Шемышейского районов мокшанских поселениях сформировался местный музыкальный диалект с центром в с. Старая Яксарка, при этом музыкально-этнографическая традиция на различных уровнях воплощает многообразие историко-культурных тенденций. Так, народный костюм демонстрирует довлеющее влияние окружающих эрзянских сел, а мокшанская разговорная речь характеризуется вкраплениями эрзянских слов. Эти показатели, а также немногочисленные песенные заимствования эрзянского фольклора указывают на стремление к консолидации шемышейской мокши с обширным эрзянским локусом, географически охватывающем юго-западные районы Пензенской области.

На музыкальном уровне прослеживается иная тенденция. Обширный песенный репертуар основан на отличных от эрзянских песенных сюжетах и имеет выраженные жанровые доминанты (весенние песни с движением, песни свахи и песни рода невесты). Устойчивыми чертами яксарского музыкального диалекта являются фактурные разновидности (унисонная гетерофония, двухголосие терцового типа, гетерофония с терцовым подголоском), тесно связанные с тем или иным песенным жанром, а также такие неочевидные, но значимые черты стиля, как подвижность звуковысотного строя во время песенной коммуникации свахи и родственниц невесты, обилие мелкой вокальной техники (в том числе голосовых «спадов» вверх), акцентирование звуков в распевах, приводящее к появлению слоговых вставок («га-га», «та-та»). Несмотря на современную динамику социально-культурных процессов, выявленные характеристики обладают значительной устойчивостью и являются маркером местного мокша-мордовского музыкального диалекта.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется детальное выявление и систематизация ритмических и мелодических типов, требующее углубленного анализа и отдельного комплексного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сысоева Г.Я. Локальный песенный стиль воронежско-белгородского пограничья в контексте южнорусской традиции. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2005;(4):115–130. <https://elibrary.ru/nwyjwd>
2. Сысоева Г.Я. Типология ритмических форм хороводных и плясовых песен в воронежско-белгородском пограничье. *Традиционная культура*. 2005;6(4):73–84. URL: <https://trad-culture.ru/article/tipologiya-ritmicheskikh-form-khorovodnykh-i-plyasovykh-pesen-v-voronezhsko-belgorodskom> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Охлобыстина А.Б. К истории изучения песенной традиции Белгородского Приосколья. *Проблемы музыкальной науки*. 2022;(3):102–115. URL: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1383> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Гилярова Н.Н. Песенный венок Мещеры. В: *Рязанский этнографический вестник*. Т. 36. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества; 2006. 242 с.
5. Матвеева И.А. Музыкальный диалект пензенской мещеры: к проблеме выявления. *Научный вестник Московской консерватории*. 2025;16(2):338–359. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2025.61.2.07>
6. Жиров М.С., Кузнецова Н.С., Жирова О.Я., Хорошилова Е.Л. Песенные традиции русско-украинского пограничья: к проблеме формирования в условиях межэтнического взаимодействия. *Проблемы музыкальной науки*. 2021;(4):154–162. URL: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1317> (дата обращения: 05.12.2025).

7. Савельева Н.М. Олиготоника в календарных и свадебных песнях Брянского Полесья. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение.* 2009;(1):204–207. <https://elibrary.ru/knvtitn>
8. Зубов И.В., Белкина О.В. Жанровые доминанты в фольклоре автохтонных народов Поволжья (по материалам экспедиций к мордве-мокше Ковылкинского района Мордовии). *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.* 2020;(2):208–222. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2,2020.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Бояркина Л.Б. О некоторых теоретических подходах к изучению ареальных особенностей традиционного мордовского многоголосия. *Финно-угорский мир.* 2018;10(2):109–120. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.109-120>
10. Редкина И.А. Песенные традиции Лунинского района Пензенской области (к вопросу о выявлении местного песенного стиля). *Казанская наука.* 2010;(3):248–253. <https://elibrary.ru/mvwmwf>
11. Морозов И.А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности. *Этнографическое обозрение.* 2015;(2):5–14. URL: <https://eo.iea.ras.ru/article/8906/> (дата обращения: 06.12.2025).
12. Юдина В.И. Музыкальная диалектология. Теоретические и исторические аспекты определения научной сферы. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.* 2017;2(4):38–43. <https://elibrary.ru/yvkerh>
13. Корнишина Г.А. Локальные группы в составе мордовского населения Пензенской области. *Финно-угорский мир.* 2025;17(3):316–324. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324>
14. Ананичева Т.М. Русские хороводные песни в полиэтнической среде Поволжья. *Традиционная культура.* 2000;1(2):67–74. URL: <https://trad-culture.ru/article/russkie-khorovodnye-pesni-v-polietnicheskoy-srede-povolzhya> (дата обращения: 06.12.2025).
15. Матвеева И.А. Проводные обряды Пензенской области. *Этнография.* 2025;(2):222–241. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-222-241](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-222-241)
16. Гилярова Н.Н. Особенности свадебных традиций населения Пензенской области. *Этнографическое обозрение.* 1996;(2):30–50. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1996/02/eoarchive_1996_2_30_gilyarova.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

REFERENCES

1. Sysoeva G.Ya. [Local Song Style of the Voronezh-Belgorod Borderland in the Context of the Southern Russian Tradition]. *Vestnik Rossiyskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda.* 2005;(4):115–130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nwjywd>
2. Sysoeva G.Ya. [Typology of Rhythmic Forms of Round Dance and Dance Songs in the Voronezh-Belgorod Borderland]. *Traditional culture.* 2005;6(4):73–84. (In Russ.) Available at: <https://trad-culture.ru/article/tipologiya-ritmicheskikh-form-khorovodnykh-i-plyasovykh-pesen-v-voronezhsko-belgorodskom> (accessed 05.12.2025).
3. Okhlobystina A.B. On the History of Studying Belgorod Prioskolye Song Tradition. *Music Scholarship.* 2022;(3):102–115. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1383> (accessed 12.12.2025).
4. Gilyarova N.N. [Meshchera Song Wreath. In: Ryazan Ethnographic Bulletin]. Vol. 36. Ryazan; 2006. 242 p. (In Russ.)
5. Matveeva I.A. Musical Dialect of Penza Meshchera: On the Problem of Identification. *Journal of Moscow Conservatory.* 2025;16(2):338–359. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2025.61.2.07>
6. Zhiron M.S., Kuznetsova N.S., Zhiron O.Ya., Khoroshilova E.L. Russian-Ukraine Borderland Song Traditions: To the Issue of Forming in the Interethnic Interaction Conditions. *Music Scholarship.* 2021;(4):154–162. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1317> (accessed 05.12.2025).
7. Savelyeva N.M. [Oligotonics in Calendar and Wedding Songs of Bryansk Polesie]. *The Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts.* 2009;(1):204–207. (In Russ.) <https://elibrary.ru/knvtitn>
8. Zubov I.V., Belkina O.V. Genre Dominants in the Folklore of Autochthonous Peoples of the Volga Region. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2020;(2):208–222. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2,2020.pdf> (accessed 12.12.2025).
9. Boyarkina L.B. On Theoretical Approaches to the Study of Areal Features of the Traditional Mordvian Polyphony. *Finno-Ugric World.* 2018;10(2):109–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.109-120>

10. Redkina I.A. [Song Traditions of the Luninsky District of the Penza Region (Towards Identifying the Local Song Style)]. *Kazan Science*. 2010;(3):248–253. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvwmwf>
11. Morozov I.A. Local Traditions and Changing Identities. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2015;(2):5–14. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://eo.ica.ras.ru/article/8906/> (accessed 06.12.2025).
12. Yudina V.I. Musical Dialectology. Theoretical and Historical Aspects of Definition of the Scientific Sphere. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amour State Technical University*. 2017;2(4):38–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/yvkerh>
13. Kornishina G.A. Local Groups within the Mordvian Population of the Penza Region. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):316–324. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324>
14. Ananicheva T.M. [Russian Round Dance Songs in the Multiethnic Environment of the Volga Region]. *Traditional Culture*. 2000;1(2):67–74. (In Russ.) Available at: <https://trad-culture.ru/article/russkie-khorovodnye-pesni-v-polietnicheskoy-srede-povolzhya> (accessed 06.12.2025).
15. Matveeva I.A. Farewell Rites in the Penza Region. *Etnografya*. 2025;(2):222–241. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-222-241](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-222-241)
16. Gilyarova N.N. Wedding Ceremonies of the Penza Region Population. *Etnograficheskoye obozreniye*. 1996;(2):30–50. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://eo.ica.ras.ru/wp-content/uploads/1996/02/eoarchive_1996_2_30_gilyarova.pdf (accessed 12.12.2025).

Информация об авторе:

Матвеева Ирина Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Музыка и методика преподавания музыки» Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5351-3561>, SPIN-код: 6293-2465, redkina1983@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.01.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.

Information about the author:

Irina A. Matveeva, Cand.Sci. (Arts), Associate Professor of the Department of Music and Music Teaching Methods, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5351-3561>, SPIN-code: 6293-2465, redkina1983@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 27.01.2026; revised 05.03.2026; accepted 10.03.2026.